

А. Д. Хачатуров

Трансформации режимов правительности под влиянием новых областей знания: случай поведенческой экономики

ХАЧАТУРОВ Арнольд Давидович — выпускник магистерской программы «Социология и политическая философия» Московской высшей школы социальных и экономических наук (2018); редактор отдела экономики автономной некоммерческой организации «Редакционно-издательский дом «Новая газета»». Адрес: Россия, 101000, Москва, Потаповский пер., д. 3.

Email: arnold.khachaturov@gmail.com

Статья представляет собой обзор актуальной научной литературы, анализирующей последствия растущей популярности поведенческой экономики в поле государственного управления и публичной политики. Основным результатом поведенческих исследований, зародившихся в 1970-х гг. на стыке психологии и экономики, — это открытие иррациональных механизмов принятия решений и отказ от традиционных для экономической теории представлений о человеческой природе. Пересмотр аксиом рационального выбора сделал возможным появление новых инструментов публичной политики, которые способны воздействовать на бессознательные психологические триггеры, компенсируя «когнитивную недостаточность» управляемых субъектов. Активное обращение к когнитивным наукам, среди которых поведенческая экономика, нейронауки и исследования в области искусственного интеллекта, это один из главных трендов в современном государственном управлении. Во многих странах на уровне национальных правительств внедряются рекомендации из так называемой «теории подталкиваний» (nudge theory) Ричарда Талера и Кассы Санстейна. Возникает вопрос: сможет ли поведенческая экономика стать новой парадигмой экономической политики, или же мы наблюдаем радикализацию неолиберализма, который пытается преодолеть структурные экономические проблемы с помощью передовых научных открытий? Используя аналитику правительности (gouvernementalité) Мишеля Фуко и существующие научные исследования на эту тему, мы показываем, что концептуальные изменения в экономической теории заметно влияют на баланс властных отношений в обществе. В частности, давление современных когнитивных наук на либеральные представления об автономии, а также расширение спектра «психологических» инструментов, используемых для управления населением, обостряют вопрос о совместимости базовых политических категорий либерализма и новых технологий управления. Это создаёт предпосылки для формирования и укрепления квазиавторитарных режимов власти, способных достигать экономической эффективности без апелляции к активным субъектам и личной свободе.

Ключевые слова: поведенческая экономика; правительность; «подталкивания»; неолиберализм; Фуко; «человек экономический».

Введение

Готовность применять на практике актуальные научные разработки становится одним из главных требований современного государственного управления. Востребованность доказательного подхода к публичной политике подтверждается среди прочего присуждением в 2019 г. премии по экономи-

ке памяти Альфреда Нобеля за экспериментальные методы оценки эффективности государственных программ [Inman 2019]. Правительства стараются внедрять в свою деятельность техники из естественных наук, такие как рандомизированные контролируемые эксперименты [Jones, Whitehead 2018]. По этому принципу проводился, например, пилотный проект по внедрению безусловного базового дохода в Финляндии [Mannevu 2019].

Статистические инструменты и экспериментальные методы, используемые для повышения эффективности госуправления, — только один из элементов доказательной политики. Другим важным аспектом этого подхода выступает опора на научные знания о природе человека. Появление новых знаний о человеческом поведении, обладающих широкой научной легитимностью, способно приводить к изменению целей, масштабов, стилей и инструментов государственной политики [Jones, Pykett, Whitehead 2013: 3].

Во второй половине XX века ключевым источником экспертизы для государственной политики стала экономическая наука. Свойственная ей концепция *человека экономического*, по мнению ряда исследователей, вышла за пределы академии и стала восприниматься как образчик повседневного здравого смысла [Callon 2007]. Доминирование экономического дискурса и присущего ему представления о природе человека сохраняется в публичной сфере до сих пор. Антропологическая модель рационального и эгоистического индивида обусловила многие практики власти современного неолиберального государства [Foucault 2008].

Однако в последнее время на академической сцене появились новые дисциплины, которые успешно оспорили антропологические основания экономического мейнстрима. Так, с начала 2000-х гг. заметно выросла популярность поведенческой экономики, предложившей альтернативное описание процесса принятия решений. С точки зрения поведенческих экономистов, в реальной жизни люди больше похожи на Гомера Симпсона, совершающего дурацкие ошибки, чем на расчётливых экономических агентов [Thaler, Sunstein 2008b]. С критикой рационалистического взгляда на человеческую природу также выступили нейронауки, которые в XXI веке претендуют на ранее закреплённый за экономикой статус универсального знания о мире [Pykett 2017: 69].

Библиометрический анализ показывает значительный рост упоминаний поведенческой экономики в академических дискуссиях [Costa, Carvalho, Moreira 2019]. Два «отца-основателя» этой субдисциплины — Ричард Талер и Даниэль Канеман — в разные годы были отмечены Нобелевской премией по экономике. Популярные книги обоих авторов о процессе принятия решений стали международными бестселлерами. Идея о том, что люди не обладают даром абсолютной рациональности и видят мир через призму когнитивных искажений, полагаясь на инстинктивные и эмоциональные импульсы, проникла не только на университетские кафедры и в массовую культуру, но и в мир политического истеблишмента. Заинтересованность в открытиях поведенческих учёных проявили многочисленные государственные институты, ответственные за реализацию экономической политики в разных странах.

Например, в 2009 г. в США было создано первое в мире специальное административное подразделение по разработке и имплементации поведенческих техник (*nudge unit*), а год спустя аналогичная структура появилась в Великобритании [McSmith 2010]. С тех пор множество стран в той или иной степени последовали этому примеру. Так, по данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), разработки поведенческих наук используются более чем в двухстах государственных учреждениях по всему миру [OECD 2019]. Доклады о влиянии поведенческой экономики на публичную политику выпустили ключевые международные институты развития, среди которых Всемирный банк [World Bank 2018] и Международный валютный фонд (МВФ) [Khan 2018]. Международная консалтинговая компания Deloitte описывает внедрение поведенческих техник как один из основных трендов

трансформации госуправления [Eggers, Turley 2019]. В профессиональной среде появился специальный термин «поведенческая публичная политика», а также стали выходить сборники рекомендаций по имплементации поведенческих инсайтов для различных государственных учреждений [John 2018].

Обсуждение поведенческой публичной политики ведётся и в России. Главный пример — опция «автоподключение» при внедрении системы индивидуального пенсионного капитала (ИПК). Идея ИПК состояла в том, чтобы «по умолчанию» включать людей в накопительную программу, но с возможностью отказаться от участия. Центральный банк РФ называл автоподключение, впервые опробованное в рамках индивидуальных пенсионных планов в США, ключевым условием реформы накопительной части пенсии [Коммерсант 2019]. Продвижением регуляторного подхода, основанного на открытиях поведенческой экономики, занимался также Центр стратегических разработок — аналитический центр, который в 2018 г. готовил одну из стратегий экономического развития для будущего президента России [ЦСР 2018]. Хотя уровень реального проникновения поведенческой экономики в управленческие практики, как и степень их «революционности», остаётся предметом для дискуссий, значительное внимание к этим направлениям в публичной и научной среде кажется очевидным.

По масштабу теоретического влияния поведенческую экономику и нейронауки можно сопоставить со структурной лингвистикой и психоанализом, которые в XX веке проблематизировали человеческое эго, единство субъекта, автономную волю и другие ключевые для западной мысли общественно-политические концепты [Rose, Abi-Rached 2013]. При этом современные экспериментальные науки о человеческом поведении, в отличие от радикальных теорий гуманитарного толка, претендуют на прикладную роль в государственном управлении. Обращение к когнитивным наукам — один из главных трендов в современной публичной политике. Можно обоснованно предположить, что в ближайшем будущем он продолжит набирать обороты [Geiger 2016].

Поскольку сегодня экономическое мышление доминирует не только в бизнесе или политике, но и во многих областях повседневной жизни, распространение новой модели «психологического субъекта» потенциально может стать предпосылкой для перестройки всего комплекса властных отношений в обществе. Как писал в XVIII веке итальянский философ Джамбаттиста Вико, «управление должно соответствовать природе управляемых» (цит. по: [Rose 2013: 160]). Эта идея нашла новое воплощение в концепции власти-знания французского философа Мишеля Фуко, который утверждал, что власть не только угнетает и исключает, но и конституирует субъектов управления [Foucault 1982]. Лишь после того как образ субъекта сформирован и вписан в систему правительности — искусства отправления политической власти в целях процветания населения [Foucault 1991], — его поведением можно руководить. Каждый новый режим правительности обладает специфическим набором коррелятов, среди которых выделяют политические рациональности, формы субъективности, типы научного знания и технологии управления. От конфигурации этих элементов, среди которых есть как институциональные, так и дискурсивные факторы, зависят пределы возможностей центральной власти. Трансфер теоретических положений и субъективностей поведенческих наук в современную публичную политику — яркое проявление этой сложной динамики, которая каждый раз заново переопределяет границы между государством, обществом и рынком.

Сегодня, на наш взгляд, именно когнитивные науки определяют вектор эволюции правительности. Но продолжает ли психологический субъект поведенческих наук, пришедший на смену человеку экономическому, оставаться коррелятом неолиберальной правительности? Или же пересмотр антропологической модели приводит к появлению новой рациональности управления? Так звучит основной вопрос, который рассматривается в этом тексте. Для того чтобы попытаться дать на него ответ, мы обращаемся к фукольдианской аналитике правительности, направленной на выявление реципрокных отношений между формами научного знания, модусами субъективации и практиками власти [Lemke 2007].

Эта работа относится к жанру обзора научной литературы. Основной корпус текстов, к которому апеллирует данная статья, исследуют новейшие трансформации неолиберализма, включая его поворот к психологии и нейронаукам [Whitehead et al. 2017] и реакцию на глобальный финансовый кризис 2008 г. [Berndt 2015]. Подавляющее большинство работ на этот счёт написано за последние пять лет, поскольку запрос на новые формы «поведенческой публичной политики» сформировался именно в эти годы и пока ограниченно отрефлексирован в академическом поле. За рамками этой работы осталась критика «теории подталкиваний», существующая внутри самой поведенческой экономики, например, попытки разработать альтернативную «экономику благосостояния» (см., например: [Sugden 2018]). В этих модифицированных концепциях поведенческой экономики, полемизирующих с отдельными аспектами политической программы Р. Талера и К. Санстейна, сохраняется нормативный приоритет теории рационального выбора. В рамках данного исследования это позволяет рассматривать все остальные различия между ними как второстепенные.

К ограничениям данной статьи следует отнести отсутствие эмпирической части, а также особенности теоретической рамки исследования. В частности, аналитика правительности может переоценивать значимость дискурсивных элементов власти, уделяя чрезмерное внимание теоретическим разработкам, а не реальным практикам власти. Кроме того, исследователи правительности зачастую фокусируются на неолиберальных режимах власти, игнорируя альтернативные формы управленческой рациональности (например, государство всеобщего благосостояния). При этом точные критерии, которые отделяют один тип правительности от другого, часто остаются на усмотрение каждого конкретного исследователя. В связи с этим выводы, сделанные в финальной части статьи, носят промежуточный характер и указывают на перспективное направление для дальнейших эмпирических исследований.

Пересборка правительности

Сдвиги в режимах правительности, начиная с появления либерализма во второй половине XVIII века, представляют собой череду «политико-эпистемологических революций» [Gordon 1991: 15], спровоцированных появлением новых научных и экспертных знаний. Как правило, эти знания касаются человеческой природы и тесно связаны с общими представлениями об устройстве биологической жизни. Так, либеральные концепты автономии и свободы отсылают к понятиям «саморегулирование» и «самосохранение биологических систем», которые появились приблизительно в то же время, что и первые формы либеральной правительности [Lemke 2011: 48]. Перенос соответствующих биологических представлений в политэкономия привёл к «открытию» автономной социальной реальности, существующей за счёт имманентных законов и не терпящей произвольного вмешательства со стороны государства. Единственным инструментом либеральной правительности оказалось направление потоков интересов и желаний при помощи воздействия на стимулы рациональных субъектов, наделённых «естественной» свободой [Foucault 2008]. Цель правительства состояла в том, чтобы не вмешиваться в дела рынка и лишь следить за тем, чтобы свобода либеральных субъектов исправно перерабатывалась в продукты безопасности¹.

В 1930-х гг. начинается зарождение неолиберальной правительности. Префикс «нео-» в случае неолиберализма обозначает не просто возвращение утраченной традиции классического либерализма или неограниченное разрастание экономического либерализма (что-то вроде *laissez-faire 2.0*), но эпистемологическое переопределение основных либеральных концептов — рынка, свободы, правового государства и знания [Beddeleem 2018]. Появление неолиберализма тоже было связано с прогрессом в естественных науках. Основная черта «нового научного духа», наиболее заметными носителями которого

¹ Термин «безопасность» (франц. *securité*) Фуко понимает в более широком смысле, чем внутренние войска или армия (франц. *sûreté*): это понятие подразумевает также социальные, продовольственные и другие аспекты безопасности [Valverde 2007].

были квантовая механика, теория относительности и неевклидова геометрия, — конвенционализм и неприятие натуралистической картины мира [Beddeleem 2018]. Неудивительно, что ключевую новацию неолиберальной правительности Фуко определил как отказ от натуралистической концепции рынка. Неолиберальный рынок — это больше не оазис естественной свободы, а искусственный механизм и идеальный принцип конкуренции, требующий целенаправленного конструирования со стороны правительства. Свободный рынок не возникает сам по себе в отсутствие государственного вмешательства; напротив, он не может существовать без юридических и институциональных рамок, обеспечиваемых центральной властью.

Техническая модальность рынка распространилась и на самого неолиберального субъекта. Свобода, автономия и агентность потеряли статус «естественных» свойств: неолиберального индивида надо целенаправленно возвращать, чтобы он соответствовал модели эффективного «предпринимателя себя». На первый план вышел критерий рациональности, ориентированный на параметры внешней среды. Социолог Мишель Каллон обозначает неолиберальную субъективность гибкого и креативного предпринимателя термином *homo economicus 2.0* [Callon 2008]. По мысли Каллона, неолиберальный субъект, в отличие от «природного» либерального субъекта, обладает распределённой агентностью, то есть опирается на внешние материальные, эмоциональные и когнитивные ресурсы, а также на межличностные сети и институциональную поддержку. Государство, поддерживая условия функционирования рынка, занимается «политикой протезирования»: создаёт социотехнические ансамбли, которые позволяют «починить» субъекта и превратить его в «рыночного киборга».

Отсюда центральный элемент неолиберальной экономической политики — создание специальной экспертной инфраструктуры, позволяющей субъектам обретать необходимые знания и навыки, чтобы самостоятельно калькулировать риски и планировать своё поведение в рыночной среде [Rose 1996]. От экономических акторов ожидается умение находить и анализировать информацию, оценивать различные способы действия и осознавать возможные последствия своих решений. К соответствующей инфраструктуре относятся литература по саморазвитию, советы финансовых консультантов в СМИ, онлайн-калькуляторы сбережений и прочие источники знаний о личной эффективности и финансовой грамотности. Государство в этой схеме отказывается от директивного управления и вмешательства в рыночные процессы в пользу фасилитации — предоставления населению инструментов для самостоятельного улучшения жизненных перспектив. Неолиберальные субъекты добровольно работают над собой, чтобы устранить нерыночные аспекты своего поведения и стать более эффективными «предпринимателями себя» [Foucault 2008]. Такой способ недисциплинарного и децентрализованного осуществления власти, при котором основным объектом калибровки выступают параметры среды, социолог Николас Роуз называет управлением на расстоянии [Rose 1996].

Однако с течением времени технологии стимулирования агентности, рассчитанные на рациональность объектов воздействия, стали подвергаться критике за нереалистичность. С одной стороны, это было связано с исследованиями поведенческих наук, которые привели к пересмотру модели человека экономического. На стыке академии и публичной политики начались дискуссии о необходимости альтернативных механизмов управления, которые не полагались бы на модель рационального и ответственного субъекта [Rowson 2011]. Так, ещё в 2004 г. британское правительство выпустило отчёт «Personal Responsibility and Changing Behaviour» («Личная ответственность и изменение поведения»), в котором предлагалось обновить регуляторные рамки и использовать в госуправлении более сложный подход к человеческому поведению [Jones, Pykett, Whitehead 2013: 61].

С другой стороны, глобальный финансовый кризис 2008 г. усилил запрос на новые практики управления, способные ликвидировать негативные последствия неолиберальной политики [Leggett 2014]. Не только со стороны традиционных критиков неолиберализма, но и в среде политического и экономиче-

ского истеблишмента звучали призывы «реформировать капитализм» и ограничить свободу рынков, чтобы избежать высокой политической нестабильности². Невозможно провести прямую причинно-следственную связь между кризисными событиями в мировой экономике и новыми веяниями в регуляторной политике, но предположение о том, что финансовый кризис создал благодатную почву для распространения новых идей о природе человека, на наш взгляд, выглядит достаточно убедительно.

Одним из главных недостатков неолиберальных практик управления считается то, что они оставляют за бортом значительную часть населения. Даже жители богатых стран, по оценкам ОЭСР, не вполне достигли идеала экономической рациональности [Rowson 2011], несмотря на широкое развёртывание экспертной инфраструктуры. Люди, сталкивающиеся с внешними ограничениями индивидуальной агентности — бедностью, болезнями, недостатком образования, оказались невосприимчивы к неолиберальным практикам управления [McNay 2009]. Но и средний индивид, как показала поведенческая экономика, страдает от когнитивных искажений и нехватки силы воли. Каждый человек регулярно попадает в сложные ситуации выбора, в которых он не способен в моменте оценить долгосрочные последствия принимаемого решения.

Так, если на «оптимистической» фазе неолиберальной политики правительство считало достаточным предоставить информацию о товаре (например, наклеить на товар этикетку с содержанием калорий), рассчитывая на рациональный отклик со стороны потребителей, то сейчас речь нередко идёт о более активных патерналистских мерах³ [Peeters, Schuilenburg 2017]. Чтобы стимулировать сокращение потребления того или иного вредного продукта, регулятор может уменьшить объём тары или начать размещать более полезные продукты на уровне глаз, чтобы подтолкнуть потребителя к нужному поведению, минуя стадию рационального убеждения [Peeters, Schuilenburg 2017]. Похожие примеры частичного пересмотра инструментов публичной политики есть и в других областях социальной сферы. Например, в конце 1980-х гг. правительство Великобритании провело образовательную реформу, существенно расширив роль родителей в выборе школ и траектории обучения своих детей. Однако уже в 2000-х гг. оказалось, что с рыночной точки зрения родители недостаточно эффективно инвестируют в человеческий капитал своих детей, из-за чего правительство стало пытаться влиять на их решения с помощью специального консультационного органа [Exley 2012]. На фоне подобного пересмотра допущений о человеческой рациональности поведенческая экономика получила шанс стать более заметным игроком на поле публичной политики.

Рождение поведенческой политики

Смысл существования (так сказать, *raison d'être*) поведенческой экономики, зародившейся в 1970-е гг. на пересечении экономической теории и психологии, заключался в критике антропологической модели экономического субъекта и в переосмыслении потенциала человеческой агентности. Исследования когнитивных психологов Даниэля Канемана и Амоса Тверски поставили под вопрос традиционные представления о человеке экономическом, который ранее изображался как рациональный эгоистический актер, преследующий цели максимизации ожидаемой полезности в ситуации полной информации.

Первая волна исследований поведенческих экономистов заключалась в сборе эмпирических данных об отклонениях от рациональности, вызванных когнитивными ограничениями человеческого мозга, систематическими ошибками мышления и отсутствием совершенной информации [Camerer et al. 2003].

² См., например: [Edgecliffe-Johnson 2019]; см. также: [Rushe 2019].

³ Важно отметить, что новые формы патернализма не противоречат неолиберальной риторике, связанной с наделением человека личной ответственностью за свои решения. Подробнее этот парадокс объясняется далее.

В каталоге наиболее распространённых когнитивных искажений, открытых поведенческой экономикой, выделяются эффекты гиперболического дисконтирования, неоправданного оптимизма, игнорирования вероятностей, неприятия риска и т. д. [Hansen 2016]. Суть этих искажений сводится к постулатам об ограниченной рациональности, ограниченном эгоизме и ограниченной силе воли, на которые к тому же накладываются систематические ошибки мышления.

Если психологические исследования познавательных способностей человека в основном ограничивались каталогизацией систематических ошибок поведения, то нейроэкономика, академическое становление которой произошло в конце 1990-х гг., стремилась изучать нейробиологические аспекты иррациональности [Bossaerts, Murawski 2015]. В тандеме эти два новых направления в экономической науке вступили в противостояние с традиционным пониманием рациональности, подразумевающим соответствие процесса мышления формальным логическим процедурам и максимизацию агентом субъективной полезности.

Разумеется, экономисты задолго до открытий когнитивной психологии и нейронаук осознавали абстрактный и идеализированный характер понятия «человек экономический». Однако именно поведенческие науки оказались успешной попыткой приблизить антропологию экономической теории к реальности. Не в последнюю очередь этот успех был связан с тем, что поведенческая экономика, как и нейроэкономика, не требует пересмотра фундаментальных предпосылок ортодоксальной экономической теории, одновременно придавая ей дополнительный академический вес как эмпирической и экспериментальной науке.

Интеграцию обнаруженных «аномалий» в принятии решений в исходную систему экономических аксиом обеспечил акцент на систематичности когнитивных ошибок, за счет которой они становятся подвержены математической калькуляции [Bradbury, McGimpsey, Santori 2013]. Поведенческие экономисты стремятся смоделировать и предсказать «иррациональности» человеческого поведения, что вполне соответствует духу экономической теории. Что самое важное, эмпирические открытия поведенческой экономики не коснулись нормативного измерения человека экономического [Berg 2003]. Идея поиска искажений предполагает наличие нормы, от которой отклоняются индивиды. В данном случае в этой роли выступает теория рационального выбора. О степени натурализации ценностей человека экономического свидетельствует использование в поведенческой экономике метафоры оптической иллюзии, в которой этот нормативный идеал приравнивается к физическим законам природы [Kahneman, Knetsch, Thaler 1991]. Таким образом, поведенческая экономика выступила в роли гибридной дисциплины, бунтующей против отдельных способов формализации принципа рациональности, но не отвергающей ценности и методологию стандартной экономической науки [Rizzo 2015].

При этом критика теории рационального выбора поставила вопрос о переосмыслении наиболее распространённых подходов к вопросам государственного управления. Последняя волна поведенческих исследований характеризуется повышенным вниманием к прескриптивным элементам, то есть к производству прикладной экспертизы для разработки государственной политики. Яркой иллюстрацией этой тенденции является широкая популярность⁴ «теории подталкиваний» (*nudge theory*) поведенческих экономистов Ричарда Талера и Кассы Санстейна — альтернативной концепции публичной политики, которая предлагает использовать психологические уязвимости в человеческой природе как ресурс для управления. Согласно этой теории задача современного государства состоит в проектировании невидимой и рассеянной в повседневности инфраструктуры власти, незаметно воздействующей на «архитектуру выбора» субъектов (физический, административный или социальный контекст, в котором происходит принятие решений) и стимулирующей более рациональное поведение с их стороны [Peeters, Schuilenburg 2017].

⁴ Конкретные примеры популярности этой теории приводились во введении.

Среди наиболее растражированных примеров подталкиваний — размещение полезных для здоровья товаров на уровне глаз в супермаркетах, специальная разметка автомобильной полосы, заставляющая водителя рефлекторно снижать скорость на поворотах, а также автоматическое включение человека в накопительные пенсионные планы и программы донорства органов после смерти. Непринудительный и зачастую бессознательный характер подталкиваний, по замыслу авторов теории, оставляет людям возможность без существенных издержек отклонить навязываемый выбор и делает его совместимым с либеральными ценностями. Комплекс политико-философских аргументов в пользу своих идей Талер и Санстейн назвали либертарианским патернализмом, попытавшись объединить необходимость государственной опеки несовершеннолетних индивидов с декларируемой приверженностью свободе выбора.

Подталкивания как инструмент публичной политики отличаются как от классического арсенала инструментов регулирования (ценовые сигналы, информационные кампании и законодательные запреты), так и от неолиберальных мер. Поведенческие экономисты рассматривают человеческое поведение как внутренне проблематичное, за счёт чего внимание регуляторов переключается с «провалов рынка» на «провалы субъекта» (или на «поведенческие провалы рынка»), с классических регуляторных мер и макроэкономической политики на «поведенческий инжиниринг» [Berndt 2015]. Хороший пример — статья Талера и Санстейна, в которой основной причиной кризиса 2008 г. названа иррациональная человеческая природа [Thaler, Sunstein 2008a]. Так, в образовании финансовых пузырей виновато не столько чрезмерное дерегулирование, сколько недалководность участников рынка, которая проявилась в систематической недооценке рисков и коротком горизонте планирования. «Жадность и коррупция способствовали этому кризису, но ключевую роль сыграло несовершенство человеческой природы», — пишут Талер и Санстейн о тех событиях [Thaler, Sunstein 2008a].

Хотя поведенческий подход в большей степени, чем классическая экономическая теория, ориентирован на контекст принятия решений, весь комплекс социальных отношений в нём редуцируется до «архитектуры выбора», то есть непосредственного чувственного опыта субъекта, из которого исключены важнейшие элементы «большой картины»: институциональные проблемы, властные отношения и системное неравенство. Решения, предлагаемые сторонниками поведенческой политики, носят обычно паллиативный, локальный и краткосрочный характер. В отдельных случаях применение поведенческих техник способно ограничивать негативное влияние рынка (например, введение «периода охлаждения», в течение которого потребитель может отказаться от импульсивно совершенной покупки) или сглаживать «когнитивное неравенство» между рыночными агентами. Но даже тогда «провалы рынка» связываются не с дизайном социально-экономических структур, а с недостатками человеческой природы. Обратная сторона теории подталкиваний состоит в том, что вместо ликвидации институциональных дефектов, которые мешают индивидам реализовывать собственные цели, она занимается нейтрализацией внутренних когнитивных искажений, сбивающих индивидов с пути к вынесенным в подзаголовок книги «здоровью, богатству и счастью» [Thaler, Sunstein 2008b]. В сущности, теория подталкиваний — это программа борьбы против «интерналий», то есть вреда, который человек наносит самому себе вследствие ограниченной рациональности и неспособности в достаточной степени усвоить рыночные нормы поведения [Galle 2019]. Многие проблемы в этой оптике — от «эпидемии ожирения» в развитых странах до низкого уровня пенсионных сбережений — описываются как последствия несовершенного индивидуального выбора. Неслучайно Талер и Санстейн подчёркивают необходимость «посмотреть в зеркало и понять потенциально разрушительные эффекты ограниченной рациональности и недостаточного самоконтроля» [Thaler, Sunstein 2008a].

Именно в этом состоит привлекательность теории подталкиваний для неолиберальных правительств. Подход позиционирует себя как простой и эффективный рецепт для решения экономических проблем, который не требует ни смены политических приоритетов, ни значительных государственных инвестиций: инфраструктура для подталкиваний дешевле, чем традиционные средства регулирования, лише-

на побочных эффектов в виде искажения экономических стимулов и наращивания бюрократического аппарата [Jones, Rykett, Whitehead 2013: 168]. Таким образом, поведенческие инструменты управления заточены под реализацию неолиберальных целей и задач, главной из которых является ревалоризация рыночных систем и адаптация индивидов к нормативной модели «человека экономического» [Whitehead et al. 2017].

Важно не переоценивать реальное значение подталкиваний: как отмечают некоторые исследователи, с практической точки зрения — это всего лишь «техника управления, которая пытается стать чем-то большим» [Schlag 2010: 923] и ещё один, далеко не главный, инструмент в интервенционистском арсенале правительств [Kosters, Heijden 2015]. Подталкивания преждевременно называть доминирующей компонентой госуправления; традиционное регулирование ещё долгое время будет играть первую скрипку, что бы ни говорили сторонники экспериментальных практик. Кроме того, существуют серьёзные сомнения в возможности масштабировать некоторые «лабораторные» открытия поведенческой экономики на целые страны [Kosters, Heijden 2015].

Однако значимость идей Галера и Санстейна проистекает не из глубины проникновения «надеж» в область публичной политики. Исследовательский интерес представляют собой не новые технологии управления сами по себе, а то, как меняются способы мысли и образы действия политиков, чиновников, менеджеров, экспертов и обычных людей под влиянием сдвигов в системе производства научного знания [Jones, Rykett, Whitehead 2013]. Идеология либертарианского патернализма как «третьего пути» в политике описывает широкий спектр явлений, связанных с отказом от модели рационального субъекта и переходом к управлению при помощи метарациональных регистров. Помимо перечисленных примеров подталкиваний, сюда можно отнести использование нейросетевых алгоритмов, которые способны вычленять из «больших данных» скрытые паттерны человеческого поведения. Алгоритмы работают по механике персонализированных подталкиваний, подрывая интенциональность субъекта и его возможность автономно определять собственные предпочтения [Rouvroy, Berns 2013]. Например, Facebook использует автоматизированные «наджи» для формирования ленты новостей с учётом предпочтений пользователей, а Amazon — для увеличения продаж на своих онлайн-платформах и более эффективного ценообразования [Carolan 2018]. Либертарианский патернализм выступает в качестве наиболее полной и репрезентативной системы идей, отражающей общую траекторию эволюции практик власти.

Неолиберализм или нет?

Итак, поведенческие техники управления преследуют цель реформирования человеческого поведения в соответствии с требованиями рынка и в этом смысле вполне отвечают неолиберальным модусам «протезирования» — искусственного взращивания человека экономического. Более того, апелляция к недостаткам человеческой природы усиливает основополагающее для неолиберализма вменение социальным проблемам — бедности, болезням, необразованности — индивидуального выбора в качестве привилегированного каузального объяснения [McMahon 2015]. Наконец, в технологическом плане подталкивания — это образцовый пример практики неолиберального непрямого управления и управления на расстоянии, построенного на программировании среды и создании стимулов для поведения индивидов [Engelmann 2017]. Из этого можно сделать вывод, что «поведенческая публичная политика», как минимум, не противоречит неолиберальной рациональности управления, а, скорее, даже усиливает её.

Некоторая двусмысленность поведенческих техник власти связана с тем, что они сочетают разочарование в фигуре рационального субъекта и сохранение неолиберального этоса активного гражданина. С одной стороны, собственный этос поведенческой власти можно описать как интерпассивность [Vos 2013], то есть стремление передать на аутсорсинг технологиям, экспертам и государству как мож-

но больше базовых человеческих навыков и функций. Как следствие, человек всё меньше решений принимает на основании собственной автономной воли и становится более восприимчивым к влиянию различных агентов, знающих его слабости или обладающих соответствующей экспертизой. С точки зрения либертарианского патернализма это не проблема: выбор не является самостоятельной ценностью, поскольку все рациональные субъекты априори хотят примерно одного и того же — здоровой, богатой и счастливой жизни. Рассуждения Санстейна об архитектуре выбора, которая под видом свободы навязывает людям необходимость постоянно принимать решения, можно прочесть как критику неолиберальной правительственности, производящей свободу ради управления: «Если выбор человека ведёт его в неверном направлении, действительно ли наилучшим решением будет и дальше поддерживать свободу выбора?» [Sunstein 2015: 189].

С другой стороны, ценности самодисциплины, силы воли и предусмотрительности защиты в инструменты либертарианского патернализма. Дискурсивный анализ поведенческих кампаний показывает, что многие «наджи» напрямую апеллируют к личной ответственности и стимулируют самостоятельную агентность субъекта [Hagen 2016]. В то же время они могут служить страховкой на случай сбоя «техник себя», например — устанавливая наиболее рациональные опции как выбор по умолчанию. Ещё один пример этого парадокса — «наджи», инициаторами которых должен выступить сам объект воздействия. Если человек хочет больше заниматься спортом, он может скачать на смартфон специальное приложение, присылающее уведомления с напоминаниями и использующее механизмы геймификации для продвижения здорового образа жизни. В таких случаях человек осознает, что его поведение недостаточно рационально, и пытается компенсировать этот дефицит рациональности с помощью специально разработанных когнитивных «примочек». Похожий пример — использование нормативных сигналов в социальной рекламе. Такая формулировка, как «9 из 10 людей платят налоги вовремя», оказывается более эффективной, чем обычные призывы оплатить задолженность в срок [Schmidt 2017]. Но человек может и осознанно использовать этот эффект, создав для себя публичное обязательство (*commitment*) придерживаться социально одобряемого поведения — например, анонсировав в социальных сетях отказ от курения. Стремление заслужить поощрение друзей и знакомых, по задумке поведенческих экономистов, будет стимулировать человека избавиться от вредной привычки.

Несмотря на напряжение между идеей о внутренней проблематичности человеческого поведения и политикой уполномочивания, большинство исследователей относят подталкивания к неолиберальной политике по формированию человеческого капитала с привлечением знаний о подсознательных процессах. Эти исследователи отмечают, что идея формирования выбора имплицитно присутствовала в государственной политике и раньше, а интернализация неолиберальной субъективности «активного предпринимателя» необязательно является рациональным решением и вполне может быть привита путём психологических манипуляций [Bradbury, McGimpsey, Santori 2013; Peeters 2019].

Тем не менее при попытке отнести подталкивания к той или иной модели правительственности следует избегать поспешных выводов. Одни и те же практики власти могут существовать в рамках разных политических программ, которые трансформируют их в соответствии с собственными задачами и целями [Dean 2010: 40]. Именно в этом состоит специфика либертарианского патернализма как политической программы, которая позволяет примирить технологии управления психологическим субъектом с представлениями о личной ответственности, свойственными неолиберальной правительственности, а также с ценностями политического либерализма.

Но возможны и другие сочетания, которые сложнее классифицировать. Показателен пример гибридной китайской правительственности, импортирующей западные финансово-экономические практики и пытающейся управлять некоторыми категориями субъектов через автономию, поддерживая рыночную конкуренцию, хотя доминирующая рациональность управления при этом носит административный и

технократический характер [Sigley 2006]. «Развитый либерализм», сформировавшийся в современных западных странах, также представляет собой эклектичное поле соперничества различных рациональностей и практик управления, не все из которых полностью соответствуют неолиберальной идеологии [Dean 2010]. Если наша гипотеза верна, то в будущем рациональности управления, ориентированные на психологического субъекта, могут приобрести доминирующий характер. В этом случае различия, существующие между неолиберализмом и поведенческими формами власти, несмотря на общую политическую цель по поддержанию безопасности рыночных структур, радикализуются, что может привести к появлению новых типов правительности.

На наш взгляд, граница между традиционным неолиберализмом и поведенческой властью проходит по линии субъективности. Если классический (нео)либеральный субъект конституировался через неотчуждаемый и непрозрачный для внешнего наблюдателя индивидуальный интерес, который выполнял роль защитного барьера от государственного вмешательства, то когнитивные науки используют знания о природе человека прямо противоположным образом — для легитимации патерналистской политики. Поведенческие экономисты либо знают латентные предпочтения людей заранее, либо сами конструируют их в процессе подталкиваний.

Субъективный интерес психологического субъекта более не является непознаваемым и неотчуждаемым. Когнитивные науки стремятся проникнуть сквозь защитную оболочку интереса и увидеть конкретные психологические механизмы и скрытые паттерны, которые стоят за поведением человека. Даже если на данный момент реальные возможности этих дисциплин ограничены, они производят дискурс, ставящий под сомнение суверенитет либерального автономного субъекта. «На основе того, что знают о вас архитекторы выбора⁵, они могут достаточно точно определить, чего вы хотите; возможно, даже быстрее и точнее, чем вы способны это сделать сами», — пишет Санстейн [Sunstein 2015:206]. Более того, если государство не будет периодически вмешиваться в формирование интереса, то это может приводить к нежелательным для общества последствиям, таким как финансовый кризис.

Ключевую роль в деконструкции индивидуального интереса играет обнаружение зазора между «истинными» предпочтениями индивида и тем, как они манифестируют себя в его решениях, в то время как для неоклассической экономической теории предпочтения индивида были эквивалентны его фактическим выборам (любой набор потребностей мог считаться рациональным, если он консистентен и удовлетворяет критерию субъективной полезности [Капелюшников 2018]). Из существования когнитивных искажений и «подозрительной» активности нейронов логически следует невозможность индивида достоверно определять собственные предпочтения (или же выбирать оптимальные средства для их достижения), а значит, эти задачи можно частично отдать на аутсорсинг благонамеренным и компетентным архитекторам выбора. Так, если в либеральной экономике за свои интересы отвечает сам индивид, то в «либертарианском патернализме» представления о правильных целях вшиты в саму оптику управления. В известном примере со столовой, в которой потребителя подталкивают к здоровой пище с помощью специальной выкладки товаров, «оптимальный» выбор определяется из соображений здоровья (а не голода, традиций, вкусовых предпочтений и так далее [Galle 2019]).

Обосновать фиксированный и перфекционистский стандарт блага, независимый от субъективных оценок самих индивидов, позволяют два аргумента: (1) согласие большинства людей с предлагаемыми ценностями и (2) их инструментальная роль для достижения любых других благ [Blumenthal-Barby 2013]. При этом поведенческие экономисты не упоминают о том, что в реальности выбор критериев для максимизации является политическим вопросом. Поле архитектуры выбора насыщено политической конкуренцией, тогда как Талер и Санстейн изображают его в виде «плоской онтологии», в которой все

⁵ Термин Талера и Санстейна, относящийся к лицам и институтам, которые влияют на контекст принятия решений («архитектуру выбора»).

акторы имеют равные шансы повлиять на выбор [Blumenthal-Barby 2013]. Это позволяет архитекторам выбора не просто подталкивать индивида к выбранным им самим целям, но и искусственно формировать его предпочтения.

Эпистемологическое перекодирование понятия «интерес» связано с изменением научных представлений о биологической жизни. Как было показано в разделе «Пересборка правительности» сдвиги в правительности обусловлены появлением нового экспертного знания, которое запускает процесс калибровки механизмов безопасности и перерасчёт стоимости производства свободы [Opitz 2010]. С момента появления либерализма главная тенденция в эволюции правительности состоит в том, что для обеспечения безопасности требуется всё меньше свободы. Так, если либерализм охранял «естественную свободу» автономного общества, то неолиберализм проблематизировал потенциал естественных систем к саморегулированию и поставил перед правительством задачу активного производства рыночных правил игры. Современные когнитивные науки опровергают не только натуралистический характер рыночных структур, но и способность большинства людей соответствовать понятию «человек экономический» даже при наличии соответствующей среды.

Очередная калибровка механизмов безопасности произошла за счёт расширения эпистемологических возможностей правительности. Претензия когнитивных наук на доступ к фундаментальным слоям реальности позволяет «развезать иллюзию» свободы и автономии субъекта, почерпнутую либерализмом из биологии XVIII века. Современное понимание свободы, присущее поведенческим экономистам, имеет больше общего с нейронауками. По аналогии с подсознательными импульсами головного мозга, которые человек не может предотвратить, но может попытаться заблокировать [Gazzaniga 2011: 168], психологический субъект наделяется «правом вето» против решений, предлагаемых архитекторами выбора, но не интенциональностью или автономией в кантовском смысле слова. Это значит, что государство может легитимно вмешиваться в процесс принятия решений для предотвращения «провалов субъекта». Таким образом, непознаваемость экономических процессов — константа для предыдущих форм либеральной правительности — перестаёт быть необходимым условием управления экономикой. Функция природы человека по сравнению с «хитиновым покровом» либерализма меняется на 180 градусов: то, что раньше защищало от интервенций государства, теперь может использоваться для их легитимации.

Психологический субъект — это несовершенный слепок с экономической рациональности, который, по определению, не может соответствовать идеалу (иррациональность «встроена» в его биологический код). Скепсис в отношении неолиберальных механизмов субъективации, основанных на категории личного интереса, отличает поведенческие техники от всех прошлых инструментов формирования человеческого капитала. Они были направлены на институциональное исправление «дефектов» человеческого мышления через конструирование автономных рациональных субъектов, которые способны самостоятельно преследовать собственные цели. В отличие от этого, новый способ управления на расстоянии потенциально не нуждается ни в активных, ни в пассивных субъектах, поскольку позволяет миновать стадию субъективации и напрямую воздействовать на принимаемые решения.

Заключение

Целью этой статьи была попытка оценить влияние когнитивных наук на трансформацию неолиберальной правительности. С одной стороны, после финансового кризиса 2008 г. усилился запрос на новые научно обоснованные практики управления, которые сглаживали бы негативные эффекты свободного рынка, не вступая при этом в противоречие с неолиберальной экономической политикой [Dean 2014]. С другой стороны, параллельно развивались направления в экономической науке, предложившие переосмысление антропологической модели человека экономического. В какой-то момент эти два тренда

сошлись в единой точке, запустив широкую дискуссию о необходимости новых инструментов государственного управления, построенных на мягких формах патернализма и активном применении знаний о человеческом мозге.

Мы подчеркнули, что основной механизм, при помощи которого когнитивные науки открывают новые возможности для государственных интервенций в экономику, — это деконструкция категории субъективного интереса за счёт расширения эпистемологических возможностей правильности. Вмешательство государства оказывается допустимым не только ради защиты «естественного» рынка (либерализм), конструирования искусственных квазирынков и уполномочивания субъектов (неолиберализм), но и для прямого структурирования индивидуальных решений. Поведенческая власть способна как помочь индивиду стать более эффективным рыночным актором, усилив его когнитивные возможности, так и подтолкнуть его к рефлекторному действию без какой-либо апелляции к индивидуальной свободе. Как следствие, игра индивидуального выбора, которая была определяющим свойством либеральной правительственности [Walter 2008], превращается в пережиток устаревшего естественно-научного дискурса, породившего либеральное понимание человеческой агентности.

Пока что психологические инструменты управления развиты не настолько, чтобы делать далеко идущие выводы о формировании новых режимов власти. К тому же психологическая субъективность может успешно сосуществовать с неолиберальной рациональностью управления, направленной на укрепление рыночных структур. Однако допустимо предположить, что начавшийся в публичной политике отказ от фигуры рационального субъекта в будущем подорвёт и без того хрупкую связь между эффективной рыночной экономикой и ценностями политического либерализма. Проблематизация человеческого поведения заметно ослабляет ставку на мобилизацию техник и агентностей гражданского общества, которая два столетия назад привела к становлению либерального подхода к управлению экономическими процессами.

Давление современных когнитивных наук на либеральные представления об автономии, а также расширение спектра «психологических» инструментов, используемых для управления населением, обостряют вопрос о совместимости базовых политических категорий и новых технологий управления. Для поведенческой публичной политики производство свободы больше не является центральной технологией управления, что сближает её с авторитарными формами власти, направленными на «послушных» субъектов. Проведённый анализ позволяет предположить, что в будущем новые знания о человеческой природе пошатнут баланс между либеральными и авторитарными компонентами правительственности, причём далеко не в пользу идеалов свободы.

Литература

- Капелюшников Р. И. 2018. Вокруг поведенческой экономики: несколько комментариев о рациональности и иррациональности. *Журнал экономической теории*. 15 (1): 359–376.
- ЦСР. 2018. В ЦСР состоялся семинар по регуляторик. *Центр стратегических разработок*. URL: <https://www.csr.ru/ru/news/v-tssr-sostoyalsya-seminar-regulyatorike/>
- Коммерсант. 2019. Центробанк предложил перенести реформу пенсионных накоплений. *Коммерсант*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4027507>
- Beddeleem M. 2018. *Fighting for the Mantle of Science: The Epistemological Foundations of Neoliberalism, 1931–1951*. Phd Thesis. Montreal: University of Montreal.

- Berg N. 2003. Normative Behavioral Economics. *The Journal of Socio-Economics*. 32 (4): 411–427.
- Berndt C. 2015. Ruling Markets: The Marketization of Social and Economic Policy. *Environment and Planning*. 47 (9): 1866–1872.
- Blumenthal-Barby J. S. 2013. Choice Architecture: A Mechanism for Improving Decisions While Preserving Liberty. In: Coons C., Weber M (eds) *Paternalism: Theory and Practice*. Cambridge: Cambridge University Press; 178–196.
- Bossaerts P., Murawski C. 2015. From Behavioural Economics to Neuroeconomics to Decision Neuroscience: The Ascent of Biology in Research on Human Decision Making. *Current Opinion in Behavioral Sciences*. 5: 37–42.
- Bradbury A., McGimpsey I., Santori D. 2013. Revising Rationality: The Use of ‘Nudge’ Approaches in Neoliberal Education Policy. *Journal of Education Policy*. 28 (2): 247–267.
- Gordon C. 1991. Governmental Rationality: An Introduction. In: Burchell G., Gordon C., Miller P. (eds) *The Foucault Effect: Studies in Governmentality. With Two Lectures by and an Interview with Michel Foucault*. Chicago: The University of Chicago Press; 1–53.
- Callon M. 2007. What Does It Mean to Say That Economics is Performative? In: MacKenzie D., Muniesa F., Siu L. (eds) *How Economists Make Markets. The Performativity of Economics*. Princeton: Princeton University Press; 311–357.
- Callon M. 2008. Economic Markets and the Rise of Interactive Agencements: From Prosthetic Agencies to “Habilitated” Agencies. In: Pinch T., Swedberg R. (eds). *Living in a Material World: Economic Sociology Meets Science and Technology Studies*. Cambridge: The MIT Press; 29–57.
- Camerer C. et al. 2003. Regulation for Conservatives: Behavioral Economics and the Case for “Asymmetric Paternalism“. *University of Pennsylvania Law Review*. 151: 1211–1254.
- Carolan M. 2018. Big Data and Food Retail: Nudging out Citizens by Creating Dependent Consumers. *Geoforum*. 90: 142–150.
- Costa D. F., Carvalho F., Moreira B. C. 2019. Behavioral Economics and Behavioral Finance: A Bibliometric Analysis of the Scientific Fields. *Journal of Economic Surveys*. 33 (1): 3–24.
- Cromby J., Willis M. E. H. 2014. Nudging into Subjectification: Governmentality and Psychometrics. *Critical Social Policy*. 34 (2): 241–259.
- Dean M. 2010. *Governmentality: Power and Rule in Modern Society*. London: Sage.
- Dean M. 2014. Rethinking Neoliberalism. *Journal of Sociology*. 50 (2): 150–163.
- Edgecliffe-Johnson A. 2019. Why American CEOs are worried about capitalism. *Financial Times*. URL: <https://www.ft.com/content/138e103a-61a4-11e9-b285-3acd5d43599e>
- Eggers W., Turley M. 2019. Government Trends Introduction. *Deloitte*. URL: <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/industry/public-sector/government-trends/2020/introduction.html>

- Engelmann S. 2017. Nudging Bentham: Indirect Legislation and (Neo-)Liberal Politics. *History of European Ideas*. 43 (1): 70–82.
- Exley S. 2012. Making Working-Class Parents Think more Like Middle-Class Parents: Choice Advisers in English Education. *Journal of Education Policy*. 28 (1): 77–94.
- Foucault M. 1982. The Subject and Power. *Critical Inquiry*. 8 (4): 777–795.
- Foucault M. 1991. Governmentality. In: Burchell G., Gordon C., Miller P. (eds) *The Foucault Effect: Studies in Governmentality. With Two Lectures by and an Interview with Michel Foucault*. Chicago: The University of Chicago Press; 87–105.
- Foucault M. 2008. *The Birth of Biopolitics: Lectures at the Collège de France, 1978–1979* (eds. A. Davidson, G. Burchell). London: Palgrave Macmillan.
- Gazzaniga M. S. 2011. *Who's in Charge? Free Will and the Science of the Brain*. London: Harper Collins.
- Galle B. D. 2019. The Problem of Intra-Personal Cost. *Yale Journal of Health Policy, Law, and Ethics*. 18 (1): 1–56.
- Geiger N. 2016. Behavioural Economics and Economic Policy: A Comparative Study of Recent Trends. *Economia. History, Methodology, Philosophy*. 6 (1): 81–113.
- Hagen S. H. 2016. “Nudging to Make the Best Choices for Themselves”: *The Paradox of Behavioural Economics and Neoliberalism in the SBST 2015 Annual Report (Bachelor thesis)*. Utrecht: Utrecht University.
- Hansen P. G. 2016. The Definition of Nudge and Libertarian Paternalism: Does the Hand Fit the Glove? *European Journal of Risk Regulation*. 7 (1): 155–174.
- Inman P. 2019. Economics Nobel prize won by academics for tackling poverty. World news. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/oct/14/economics-nobel-prize-abhijit-banerjee-esther-duflo-michael-kremer>
- John P. 2018. *How Far to Nudge? Assessing Behavioural Public Policy*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Jones R., Pykett J., Whitehead M. 2013. *Changing Behaviours: On the Rise of the Psychological State*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Jones R., Whitehead M. 2018. ‘Politics done Like Science’: Critical Perspectives on Psychological Governance and the Experimental State. *Environment and Planning D: Society and Space*. 36 (2): 313–330.
- Kahneman D. 2003. Maps of Bounded Rationality: Psychology for Behavioral Economics. *American Economic Review*. 93 (5): 1449–1475.
- Kahneman D., Knetsch J. L., Thaler R. H. 1991. Anomalies: The Endowment Effect, Loss Aversion, and Status Quo Bias. *Journal of Economic Perspectives*. 5 (1): 193–206.
- Khan A. 2018. *Behavioral Approach to Financial Supervision, Regulation, and Central Banking*. Working Paper. No. 18/178. Washington: IMF.

- Kosters M., Heijden J. van der. 2015. From Mechanism to Virtue: Evaluating Nudge Theory. *Evaluation*. 21 (3): 276–291.
- Leggett W. 2014. The Politics of Behaviour Change: Nudge, Neoliberalism and the State. *Policy and Politics Journal*. 42 (1): 3–19.
- Lemke T. 2007. An Indigestible Meal? Foucault, Governmentality and State Theory. *Distinktion: Journal of Social Theory*. 8 (2): 43–64.
- Lemke T. 2011. *Biopolitics: An Advanced Introduction*. New York: NYU Press.
- Mannevuola M. 2019. Neuroliberalism in Action: The Finnish Experiment with Basic Income. *Theory, Culture & Society*. 36 (4): 27–47.
- Mayes C. 2014. Governing through Choice: Food Labels and the Confluence of Food Industry and Public Health Discourse to Create ‘Healthy Consumers’. *Social Theory & Health*. 12 (4): 376–395.
- McMahon J. 2015. Behavioral Economics as Neoliberalism: Producing and Governing Homo Economicus. *Contemporary Political Theory*. 14 (2): 137–158.
- McNay L. 2009. Self as Enterprise: Dilemmas of Control and Resistance in Foucault’s The Birth of Biopolitics. *Theory, Culture & Society*. 26 (6): 55–77.
- McSmith A. 2010. First Obama, Now Cameron Embraces “Nudge Theory”. *Independent*. URL: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/first-obama-now-cameron-embraces-nudge-theory-2050127.html>
- OECD. 2019. Delivering Better Policies Through Behavioural Insights. URL: <https://www.oecd.org/gov/regulatory-policy/delivering-better-policies-through-behavioural-insights-6c9291e2-en.htm>
- Opitz S. 2010. Government Unlimited: The Security Dispositif of Illiberal Governmentality. In: Bröckling U., Krasmann S., Lemke T. (eds) *Governmentality: Current Issues and Future Challenges*. Abingdon, UK: Routledge; 93–115.
- Peeters R. 2019. Manufacturing Responsibility: The Governmentality of Behavioural Power in Social Policies. *Social Policy and Society*. 18 (1): 55–65.
- Peeters R., Schuilenburg M. 2017. The Birth of Mindpolitics: Understanding Nudging in Public Health Policy. *Social Theory & Health*. 15 (2): 138–159.
- Pykett J. 2017. *Brain Culture: Shaping Policy Through Neuroscience*. Bristol: Policy Press.
- Rizzo M. J. 2015. The Problem of Rationality: Austrian Economics between Classical Behaviorism and Behavioral Economics. In: Coyne C. J., Boettke P. (eds) *The Oxford Handbook of Austrian Economics*. New York: Oxford University Press; 364–393.
- Rose N. 1996. Governing Advanced Liberal Democracies. In: Barry A., Osborne T., Rose N. (eds) *Foucault and Political Reason: Liberalism, Neo-Liberalism and the Rationalities of Government*. London: UCL Press; 37–64.

- Rose N., Abi-Rached J. M. 2013. *Neuro: The New Brain Sciences and the Management of the Mind*. Princeton: Princeton University Press.
- Rouvroy A., Berns T. 2013. Algorithmic Governmentality and Prospects of Emancipation. *Réseaux*. 177 (1): 163–196.
- Rowson J. 2011. Transforming Behavior Change: Beyond Nudge and Neuromania. *RSA Report*. URL: <https://www.thersa.org/globalassets/pdfs/reports/rsa-transforming-behaviour-change.pdf>
- Rushe D. 2019. The Kings of Capitalism are Finally Worried about the System that Created Them. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/apr/24/ray-dalio-jamie-dimon-kings-of-capitalism-concerned>
- Schlag P. 2010. Nudge, Choice Architecture, and Libertarian Paternalism. *Michigan Law Review*. 108 (6): 913–924.
- Schmidt A. T. 2017. The Power to Nudge. *American Political Science Review*. 111 (2): 404–417.
- Schüll N. D., Zaloom C. 2011. The Shortsighted Brain: Neuroeconomics and the Governance of Choice in Time. *Social Studies of Science*. 41 (4): 515–538.
- Sigley G. 2006. Chinese Governmentalities: Government, Governance and the Socialist Market Economy. *Economy and Society*. 35 (4): 487–508.
- Sugden R. 2018. *The Community of Advantage: A Behavioural Economist's Defence of the Market*. Oxford: Oxford University Press.
- Sunstein C. R. 2015. *Choosing Not to Choose: Understanding the Value of Choice*. New York: Oxford University Press.
- Thaler R., Sunstein C. 2008a. Human Frailty Caused this Crisis. *Financial Times*. URL: <https://www.ft.com/content/ac2839ac-b015-11dd-a795-0000779fd18c>
- Thaler R. H., Sunstein C. R. 2008b. *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness*. New Haven: Yale University Press.
- Valverde M. 2007. Genealogies of European States: Foucauldian Reflections. *Economy and Society*. 36 (1): 159–178.
- Vos J. D. 2013. Interpassivity and the Political Invention of the Brain: Connolly's Neuropolitics versus Libet's Veto-right. *Theory & Event*. 16 (2). URL: <https://muse.jhu.edu/article/509907>
- Walter R. 2008. Governmentality Accounts of the Economy: A Liberal Bias? *Economy and Society*. 37 (1): 94–114.
- Whitehead M. et al. 2017. *Neuroliberalism: Behavioural Government in the Twenty-First Century*. Oxford: Routledge.
- World Bank. 2018. Mind, Behavior, and Development. *World Bank*. URL: <https://www.worldbank.org/en/programs/embed>

Arnold Khachaturov

Transformations of Governmentality Regimes under the Influence of New Areas of Knowledge: the Case of Behavioral Economics

KHACHATUROV, Arnold —

Master in «Sociology and political philosophy» program by Moscow School of Social and Economic Sciences (2018); editor in economics department, Autonomous nonprofit organisation Editorial and publishing house «Novaya Gazeta». Address: 101000, 3 Potapovsky lane, Moscow, Russian Federation.

Email: arnold.khachaturov@gmail.com

Abstract

This article is a review of relevant scientific literature on the consequences of the growing popularity of behavioral economics in the field of public administration and public policy. The main result of behavioral research that arose in the 1970s at the intersection of psychology and economics was the discovery of irrational decision-making mechanisms and the rejection of the traditional economic concepts of human nature. Revision of the axioms of the rational choice theory in turn made possible the emergence of new public policy instruments that can influence unconscious psychological triggers, compensating for the cognitive insufficiency of the governed subjects. An active appeal to cognitive sciences, including behavioral economics, neuroscience, and research in the field of artificial intelligence, is one of the main trends in modern public administration. In many countries, the recommendations of the

so-called nudge theory by Richard Thaler and Cass Sunstein are being introduced at the national government level. The question arises whether behavioral economics can become the new paradigm of economic policy, or whether we are witnessing the radicalization of neoliberalism, which is trying to overcome the structural economic problems with the help of new scientific discoveries. Using Michel Foucault's governmentality analytics and existing research on this topic, the author shows that conceptual changes in economic theory significantly influence the balance of power relations in society. In particular, the pressure of modern cognitive sciences on liberal notions of autonomy, as well as the expansion of the range of psychological tools used to govern the population, sharpen the question of the compatibility of the basic political categories of liberalism and the new technologies of governance. It creates the prerequisites for the formation and strengthening of quasi-authoritarian regimes of power that are able to achieve economic efficiency without appealing to active subjects and personal freedom.

Keywords: behavioral economics; governmentality; “nudge”; neoliberalism; Foucault; homo economicus.

References

- Beddeleem M. (2018) *Fighting for the Mantle of Science: The Epistemological Foundations of Neoliberalism, 1931–1951*. (Phd Thesis), Montreal: University of Montreal.
- Berg N. (2003) Normative Behavioral Economics. *The Journal of Socio-Economics*, vol. 32, no 4, pp. 411–427.
- Berndt C. (2015) Ruling Markets: The Marketization of Social and Economic Policy. *Environment and Planning*, vol. 47, no 9, pp. 1866–1872.
- Blumenthal-Barby J.S. (2013) Choice Architecture: A Mechanism for Improving Decisions While Preserving Liberty. *Paternalism: Theory and Practice* (eds. C. Coons, M. Weber), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 178–196.

- Bossaerts P., Murawski C. (2015) From Behavioural Economics to Neuroeconomics to Decision Neuroscience: The Ascent of Biology in Research on Human Decision Making. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, vol. 5, pp. 37–42.
- Bradbury A., McGimpsey I., Santori D. (2013) Revising Rationality: The Use of ‘Nudge’ Approaches in Neoliberal Education Policy. *Journal of Education Policy*, vol. 28, no 2, pp. 247–267.
- CSR (2018) V CSR sostoyalsya seminar po regulyatorike [A Seminar on Regulatory Issues was Held at the CSR]. *The Center for Strategic Research (CSR)*. Available at: <https://www.csr.ru/ru/news/v-tssr-sostoyalsya-seminar-regulyatorike/> (accessed 14 February 2020) (in Russian).
- Gordon C. (1991) Governmental Rationality: An Introduction. *The Foucault Effect: Studies in Governmentality. With Two Lectures by and an Interview with Michel Foucault* (eds. G. Burchell, C. Gordon, P. Miller), Chicago: The University of Chicago Press, pp. 1–53.
- Callon M. (2007) What Does It Mean to Say That Economics is Performative? *How Economists Make Markets. The Performativity of Economics* (eds. D. MacKenzie, F. Muniesa, L. Siu.), Princeton: Princeton University Press, pp. 311–357.
- Callon M. (2008) Economic Markets and the Rise of Interactive Agencements: From Prosthetic Agencies to “Habilitated” Agencies. *Living in a Material World: Economic Sociology Meets Science and Technology Studies* (eds. T. Pinch, R. Swedberg), Cambridge: The MIT Press, pp. 29–57.
- Camerer C., Issacharoff S., Loewenstein G., O’Donoghue T., Rabin M. (2003) Regulation for Conservatives: Behavioral Economics and the Case for “Asymmetric Paternalism“. *University of Pennsylvania Law Review*, vol. 151, pp. 1211–1254.
- Carolan M. (2018) Big Data and Food Retail: Nudging out Citizens by Creating Dependent Consumers. *Geoforum*, vol. 90, pp. 142–150.
- Costa D. F., Carvalho F., Moreira B. C. (2019) Behavioral Economics and Behavioral Finance: A Bibliometric Analysis of the Scientific Fields. *Journal of Economic Surveys*, vol. 33, no 1, pp. 3–24.
- Cromby J., Willis M. E. H. (2014) Nudging into Subjectification: Governmentality and Psychometrics. *Critical Social Policy*, vol. 34, no 2, pp. 241–259.
- Dean M. (2010) *Governmentality: Power and Rule in Modern Society*, London: Sage.
- Dean M. (2014) Rethinking Neoliberalism. *Journal of Sociology*, vol. 50, no 2, pp. 150–163.
- Edgecliffe-Johnson A. (2019) Why American CEOs are Worried about Capitalism. *Financial Times*. Available at: <https://www.ft.com/content/138e103a-61a4-11e9-b285-3acd5d43599e> (accessed 14 February 2020).
- Eggers W., Turley M. (2019) Government Trends introduction. *Deloitte*. Available at: <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/industry/public-sector/government-trends/2020/introduction.html> (accessed 14 February 2020).
- Engelmann S. (2017) Nudging Bentham: Indirect Legislation and (Neo-)Liberal Politics. *History of European Ideas*, vol. 43, no 1, pp. 70–82.

- Exley S. (2012) Making Working-Class Parents Think More Like Middle-Class Parents: Choice Advisers in English Education. *Journal of Education Policy*, vol. 28, no 1, pp. 77–94.
- Foucault M. (1982) The Subject and Power. *Critical Inquiry*, vol. 8, no 4, pp. 777–795.
- Foucault M. (1991) Governmentality. *The Foucault Effect: Studies in Governmentality. With Two Lectures by and an Interview with Michel Foucault* (eds. G. Burchell, C. Gordon, P. Miller), Chicago: The University of Chicago Press, pp. 87–105.
- Foucault M. (2008) *The Birth of Biopolitics: Lectures at the Collège de France, 1978–1979* (eds. A. Davidson, G. Burchell), London: Palgrave Macmillan.
- Gazzaniga M. S. (2011) *Who's in Charge? Free Will and the Science of the Brain*, London: Harper Collins.
- Galle B. D. (2019) The Problem of Intra-Personal Cost. *Yale Journal of Health Policy, Law, and Ethics*, vol. 18, no 1, pp. 1–56.
- Geiger N. (2016) Behavioural Economics and Economic Policy: A Comparative Study of Recent Trends. *Æconomia. History, Methodology, Philosophy*, vol. 6, no 1, pp. 81–113.
- Hagen S. H. (2016) “Nudging to Make the Best Choices for Themselves”: *The Paradox of Behavioural Economics and Neoliberalism in the SBST 2015 Annual Report (Bachelor thesis)*. Utrecht: Utrecht University.
- Hansen P. G. (2016) The Definition of Nudge and Libertarian Paternalism: Does the Hand Fit the Glove? *European Journal of Risk Regulation*, vol. 7, no 1, pp. 155–174.
- Inman P. (2019) Economics Nobel Prize Won by Academics for Tackling Poverty. World news. *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2019/oct/14/economics-nobel-prize-abhijit-banerjee-esther-dufflo-michael-kremer> (accessed 14 February 2020).
- John P. (2018) *How Far to Nudge? Assessing Behavioural Public Policy*, Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Jones R., Pykett J., Whitehead M. (2013) *Changing Behaviours: On the Rise of the Psychological State*, Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Jones R., Whitehead M. (2018) ‘Politics done Like Science’: Critical Perspectives on Psychological Governance and the Experimental State. *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 36, no 2, pp. 313–330.
- Kahneman D. (2003) Maps of Bounded Rationality: Psychology for Behavioral Economics. *American Economic Review*, vol. 93, no 5, pp. 1449–1475.
- Kahneman D., Knetsch J. L., Thaler R. H. (1991) Anomalies: The Endowment Effect, Loss Aversion, and Status Quo Bias. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 5, no 1, pp. 193–206.
- Kapeliushnikov R. (2013) Vokrug povedencheskoy ekonomiki: neskol’ko kommentariiev o ratsional’nosti i irratsional’nosti [About Behavioral Economics: A Few Comments on Rationality and Irrationality]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*, vol. 15, no 1, pp. 359–376 (in Russian).

- Khan A. (2018) *Behavioral Approach to Financial Supervision, Regulation, and Central Banking*. Working Paper, no 18/178, Washington: IMF.
- Kommersant (2019) Tsentrobank predlozhit perenesti reformu pensionnykh nakopleniy [The Central Bank has Proposed to Postpone the Reform of Pension Savings]. *Kommersant*. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4027507> (accessed 14 February 2020) (in Russian).
- Kosters M., Heijden J. van der. 2015. From Mechanism to Virtue: Evaluating Nudge Theory. *Evaluation*, vol. 21, no 3, pp. 276–291.
- Leggett W. (2014) The Politics of Behaviour Change: Nudge, Neoliberalism and the State. *Policy and Politics Journal*, vol. 42, no 1, pp. 3–19.
- Lemke T. (2011) *Biopolitics: An Advanced Introduction*, New York: NYU Press.
- Lemke T. (2007) An Indigestible Meal? Foucault, Governmentality and State Theory. *Distinktion: Journal of Social Theory*, vol. 8, no 2, pp. 43–64.
- Mannevo M. (2019) Neuroliberalism in Action: The Finnish Experiment with Basic Income. *Theory, Culture & Society*, vol. 36, no 4, pp. 27–47.
- Mayes C. (2014) Governing through Choice: Food Labels and the Confluence of Food Industry and Public Health Discourse to Create ‘Healthy Consumers’. *Social Theory & Health*, vol. 12, no 4, pp. 376–395.
- McMahon J. (2015) Behavioral Economics as Neoliberalism: Producing and Governing Homo Economicus. *Contemporary Political Theory*, vol. 14, no 2, pp. 137–158.
- McNay L. (2009) Self as Enterprise: Dilemmas of Control and Resistance in Foucault’s The Birth of Biopolitics. *Theory, Culture & Society*, vol. 26, no 6, pp. 55–77.
- McSmith A. (2010) First Obama, Now Cameron Embraces “Nudge Theory”. *Independent*. Available at: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/first-obama-now-cameron-embraces-nudge-theory-2050127.html> (accessed 14 February 2020).
- OECD (2019) Delivering Better Policies Through Behavioural Insights. *OECD*. Available at: <https://www.oecd.org/gov/regulatory-policy/delivering-better-policies-through-behavioural-insights-6c9291e2-en.htm> (accessed 14 February 2020).
- Opitz S. (2010) Government Unlimited: The Security Dispositif of Illiberal Governmentality. *Governmentality: Current Issues and Future Challenges* (eds. U. Bröckling, S. Krasmann, T. Lemke), Abingdon, UK: Routledge, pp. 93–115.
- Peeters R. (2019) Manufacturing Responsibility: The Governmentality of Behavioural Power in Social Policies. *Social Policy and Society*, vol. 18, no 1, pp. 55–65.
- Peeters R., Schuilenburg M. (2017) The Birth of Mindpolitics: Understanding Nudging in Public Health Policy. *Social Theory & Health*, vol. 15, no 2, pp. 138–159.

- Pykett J. (2017) *Brain Culture: Shaping Policy Through Neuroscience*, Bristol: Policy Press.
- Rizzo M. J. (2015) The Problem of Rationality: Austrian Economics between Classical Behaviorism and Behavioral Economics. *The Oxford Handbook of Austrian Economics* (eds. C. Coyne, P. Boettke), New York: Oxford University Press, pp. 364–393.
- Rose N. (1996) Governing Advanced Liberal Democracies. *Foucault and Political Reason: Liberalism, Neo-Liberalism and the Rationalities of Government* (eds. A. Barry, T. Osborne, N. Rose), London: UCL Press, pp. 37–64.
- Rose N., Abi-Rached J. M. (2013) *Neuro: The New Brain Sciences and the Management of the Mind*, Princeton: Princeton University Press.
- Rouvroy A., Berns T. (2013) Algorithmic Governmentality and Prospects of Emancipation. *Réseaux*, vol. 177, no 1, pp. 163–196.
- Rowson J. (2011) Transforming Behavior Change: Beyond Nudge and Neuromania. *RSA Report*. Available at: <https://www.thersa.org/globalassets/pdfs/reports/rsa-transforming-behaviour-change.pdf> (accessed 14 February 2020).
- Rushe D. (2019) The Kings of Capitalism are Finally Worried about the System that Created Them. *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/apr/24/ram-dalio-jamie-dimon-kings-of-capitalism-concerned> (accessed 14 February 2020).
- Schlag P. (2010) Nudge, Choice Architecture, and Libertarian Paternalism. *Michigan Law Review*, vol. 108, no 6, pp. 913–924.
- Schmidt A. T. (2017) The Power to Nudge. *American Political Science Review*, vol. 111, no 2, pp. 404–417.
- Schüll N. D., Zaloom C. (2011) The Shortsighted Brain: Neuroeconomics and the Governance of Choice in Time. *Social Studies of Science*, vol. 41, no 4, pp. 515–538.
- Sigley G. (2006) Chinese Governmentalities: Government, Governance and the Socialist Market Economy. *Economy and Society*, vol. 35, no 4, pp. 487–508.
- Sugden R. (2018) *The Community of Advantage: A Behavioural Economist's Defence of the Market*, Oxford: Oxford University Press.
- Sunstein C.R. (2015) *Choosing Not to Choose: Understanding the Value of Choice*, New York: Oxford University Press.
- Thaler R. H., Sunstein C. (2008a) Human Frailty Caused this Crisis. *Financial Times*. Available at: <https://www.ft.com/content/ac2839ac-b015-11dd-a795-0000779fd18c> (accessed 14 February 2020).
- Thaler R. H., Sunstein C. R. (2008b) *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness*, New Haven: Yale University Press.
- Valverde M. (2007) Genealogies of European states: Foucauldian reflections. *Economy and Society*, vol. 36, no 1, pp. 159–178.

Vos J. D. (2013) Interpassivity and the Political Invention of the Brain: Connolly's Neuropolitics versus Libet's Veto-right. *Theory & Event*, vol. 16, no 2. Available at: <https://muse.jhu.edu/article/509907> (accessed 14 February 2020).

Walter R. (2008) Governmentality Accounts of the Economy: A Liberal Bias? *Economy and Society*, vol. 37, no 1, pp. 94–114.

Whitehead M., Jones R., Lilley R., Pykett J., Howell R. (2017) *Neuroliberalism: Behavioural Government in the Twenty-First Century*, Oxford: Routledge.

World Bank (2018) Mind, Behavior, and Development. *World Bank*. Available at: <https://www.worldbank.org/en/programs/embed> (accessed 14 February 2020).

Received: June 26, 2019

Citation: Khachaturov A. (2020) Transformatsii rezhimov pravitel'nosti pod vliyaniem novykh oblastey znaniya: sluchay povedencheskoy ekonomiki [Transformations of Governmentality Regimes under the Influence of New Areas of Knowledge: the Case of Behavioral Economics], *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 21, no 2, pp. 39–61. doi: [10.17323/1726-3247-2020-2-39-61](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2020-2-39-61) (in Russian).